

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИИМК, вып. XII—XIII

С выходом в 1946 г. очередных XII и XIII выпусков КСИИМК возобновляется издание этой начатой незадолго перед войной ценной серии публикаций ИИМК¹. КС XII и XIII в значительной мере содержат информации об археологических исследованиях и докладах военного времени и посвящены светлой памяти тех членов дружной семьи советских археологов, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны и в осажденном Ленинграде. Ряд статей в этих выпусках КС принадлежит перу ушедших и отмечен траурной каймой.

КС XII и XIII отличаются от предшествующих 11 выпусков как своим значительным объемом, так и богатством и разносторонностью публикаций. В XII выпуске 184 страницы и 68 рисунков, в XIII—206 страниц и 36 рисунков. Из краткого информационного бюллетеня, каким были первые выпуски, теперь КС фактически превратились в крупный печатный орган советской археологии, с большой полнотой отражающий различные специальности этой быстро растущей исторической науки. КС XII содержит почти исключительно статьи и публикации, в КС XIII, наряду со статьями, помещен ряд информационных отчетов о полевых исследованиях и серия тезисов диссертаций, защищенных в дни Великой Отечественной войны. Последний отдел особенно актуален и важен—опубликованные тезисы по темам от палеолита до Руси XVI в. свидетельствуют о крупных монографических исследованиях, созданных советскими учеными в годы войны, когда временно прервалась их полевая, раскопчная работа. Предельная сжатость изложения опубликованных материалов и насыщенность статей конкретными новыми данными и кратко сформулированными выводами чрезвычайно затрудняет задачу настоящей статьи—дать краткий обзор и без того кратких сообщений.

Ряд статей освещает работу в области исследования палеолита; карта его памятников вновь обогащается новыми пунктами. Неутомимым исследователем древнейшего прошлого крайнего севера Сибири А. П. Окладниковым впервые обнаружены следы палеолитического стойбища в бассейне Лены (Пономаревская стоянка), датированного временем Афонтово III (XII, 7—9); дополнительные данные о ленском палеолите и, в частности, наскальном изображении дикой лошади автор сообщает в своем сводном отчете (XIII, 99—100). Обследование Г. П. Сосновским палеолитических стоянок по Енисею около Красноярска подтвердило данные о наличии их не только по берегам самого Енисея, но и о проникновении их в глубь его долины—из равнины в предгорья (XIII, 95—98). Заметка М. В. Талицкого знакомит с находкой орудий позднемустьерского времени в урочище Пещерный лог на р. Чусовой, по соседству с открытой им в 1938 г. Островской стоянкой (XII, 9—14). Работами Деснинской экспедиции (1940 г., рук. М. В. Воеводский) обнаружен ряд новых палеолитических местонахождений и проведена работа по установлению геологического возраста стадий развития палеолита. Можно утверждать, что мустьерская эпоха совпадает с первой половиной рисской стадии оледенения; стоянки конца ориньянской и солютрейской эпох, представляющие обширные поселения—до 40 000 кв. м, с большими постоянными жилищами, залегают в различных горизонтах надморенных лёссовидных суглинков; поселения мадленской поры связаны с верхними горизонтами лёсса и датируются вюрмской стадией оледенения. Экспедицией обнаружены также новые интересные остатки небольших стоянок переходной поры—мезолита и раннего неолита (XII, 89—94). Тезисы диссертации С. Н. Бибикова, посвященной поселениям азильско-гарденуазской эпохи в Крыму—Шан-Коба и Мурзак-Коба, знакомят с итогами монографического изучения этих памятников, освещающего хозяйство этой переходной поры и ее прогрессивный сложный характер (XIII, 126—130).

Статья Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевского «Трипольское поселение Коломийщина» XII, 14—22) посвящена реконструкции первоначального облика поселка и его жилищ

¹ Вышедший в 1945 г. КС XI, посвященный итогам археологического исследования древнерусских городов, был подготовлен еще до войны. См. обзор этого выпуска в «Вопросах истории», 1945 г., № 2.

на основе пятилетних раскопок, вскрывших огромную площадь в 13 000 кв. м. Безупречная точность раскопочной методики и детальность наблюдений обеспечили редкую убедительность предлагаемой реконструкции, окончательно решающей давний вопрос о знаменитых «загадочных глиняных площадках». 39 жилищ поселка располагались двумя концентрическими кругами, образуя центральную площадь для загона скота и празднеств. «Площадки» оказались остатками больших многоочажных прямоугольных в плане домов, площадью до 150 кв. м; их конструкция и техника прослежены с большой тщательностью. Особое внимание уделяли строители сооружению полов, включавших расколотые дубовые плахи, перекрывавшиеся глиной и затем обжигавшиеся. Другим типом настила был плитчатый пол из предварительно обожженных глиняных плиток. Открытие стоек, поддерживавших кровлю, определило ее двухскатную форму; материал перекрытия— солома. Внутреннее членение жилищ обнаруживает два различных принципа, определяемых авторами как «коллективистский» и «парносемейный».

Изучение эпохи бронзы отражено тезисами двух кандидатских диссертаций. А. П. Круглов сделал попытку исторической систематизации памятников II—I тысячелетия до н. э. северо-восточного Кавказа и сформулировал предварительные выводы по истории этого района (XIII, 130—134). Подобную же задачу поставил Г. В. Подгаецкий относительно памятников Среднего Дона предскифской поры (XIII, 135—137). Заметка П. А. Дмитриева (XII, 22—26) сообщает об исследованном им в 1940 г. селище ананьинской эпохи на мысу Толстик на западном берегу Исетского озера. Вышедшая перед войной книга Д. Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» («Труды ГИМ», вып. X, М., 1940) нашла интересный и богатый новыми мыслями отклик в двух рецензиях В. В. Гольмстен (XII, 168—173) и С. В. Киселева и В. Н. Чернецова (XII, 173—176). Первая рецензия останавливается на вопросе о правах формально-искусствоведческого и историко-археологического методов в рассмотрении проблемы «первобытного искусства» и в вопросе об автохтонности «звериного стиля» в сходных исторических условиях различных мест Восточной Европы и Азии. Вторая рецензия, также протестуя против деления произведений горбуновской резьбы на «художественные» и «ремесленные», посвящает основное внимание связи реалистической, уходящей в неолит стадии звериного стиля с более поздним степным, скифского типа.

Большой принципиальный интерес представляет (опубликованная в форме тезисов) статья Е. Ю. Кричевского «О роли межплеменных сношений в древнейшей истории» (XIII, 3—9), посвященная теоретическому освещению проблемы автохтонности и миграций. Автор своевременно и правильно указывает опасность наметившегося одностороннего понимания автохтонности культурного развития—«гипертрофированного автохтонизма» и недооценки роли племенных связей, передвижений и скрещений. Автор напоминает о необходимости правильного понимания учения Н. Я. Марра о стадильности, указывая, что «стадильность означает не всеобщую независимость, а всеобщую связанность и взаимную обусловленность». «Гипертрофированный автохтонизм», как показывает автор, является одной из предпосылок расизма, а с другой стороны, сближается с буржуазным эволюционизмом. Далее автор анализирует научное содержание археологического понятия «культуры», устанавливает принципиальные основы определения фактов влияний и заимствований и говорит об их различии.

Античные древности юга СССР, естественно, занимают видное место в КС XII и XIII. Заметка С. И. Капошиной (XII, 26—30) констатирует интересный факт окрашивания костяков ряда погребений Ольвийского некрополя, пржитично восходящий к погребальному обряду еще доскифской стадии и сближающий Ольвийский некрополь со скифскими и его погребальный ритуал с культом смежных племен. Эта же тема возникает из античных материалов раскопок 1940 г. в Херсонесе (статья Г. Д. Белова, XII, 57—63), некрополь которого, V—IV вв. до н. э., свидетельствует о существовании на месте Херсонеса местного догреческого поселения; об этом говорят наличие скорченных погребений, обилие лепной керамики и каменных орудий. Общий исторический очерк Херсонеса Таврического дает диссертация того же автора (тезисы, XIII, 142—143).

П. Н. Шульц опубликовал в КС XII свой блестящий по тонкости и остроте анализа этюд о скульптурных портретах скифских царей Скилура и Палака (XII, 44—57). Эта статья по своему значению стоит большой монографии—столь убедительно автор подводит читателя к своей математически точной атрибуции знаменитых рельефов из Керменчика-Неаполиса. В обоих рельефах автор видит не отвлеченные, но портретные изображения, подтверждая это сопоставлением с головой Скилура на монете и разбором особенностей костюма, который обнаруживает во всадниках скифов, вступивших на путь эллинизации, но не порвавших еще с бытовыми традициями своего народа; тот же образ эллинизированного варвара, не забывшего старых кочевых навыков, дает портрет Палака. Исключительно интересен художественный строй этой скульптуры, сочетающий наследие античной Греции и местного скифского искусства. «Очень долгий и сложный путь,—замечает автор,—ведет от памятника скифского Неаполя к всадникам народной украинской и русской игрушки и к всадникам на белокаменных рельефах Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. И там и здесь мы наблюдаем органическое слияние народного реалистического чувства природы с условностью декоративных форм». Портрет Палака, по мнению автора, исполнен скифским скульптором, ларный же портрет Скилура с сыном—причерноморским греком. Работа П. Н. Шульца—большое событие в археологической науке, приобретающей точно паспортизованные памятники, знакомящие с обликом скифских царей и имеющие, таким образом, не только историко-художественный, но и широкий исторический интерес.

В отличие от работы П. Н. Шульца исследование В. Д. Блаватского, посвященное атрибуции головы юноши из собрания антиков Ялтинского музея, носит целиком искусствоведческий характер (XII, 63—72). В итоге тонкого анализа автор приходит к заключению, что оригинал названного фрагмента по своему стилю восходит к последним десятилетиям V в., т. е. предшествует творчеству великого Скопаса, стиль которого, таким образом, не является абсолютным новшеством, но развивает наметившиеся до него тенденции.

Исследование боспорских древностей отражено информацией М. М. Худяка о раскопках 1939—1941 гг. в Нимфее (XIII, 119—125). Как позволяет думать материал раскопок, Нимфей был основан еще в середине VI в. до н. э., вероятно, выходцами с острова Самоса; в середине IV в., во время похода архонта Боспора Левкона на Феодосию, город был разрушен; в конце IV в. он подвергся вторичному разрушению и надолго запустел; в римское время (I—III вв. н. э.) город был связан с малоазийскими центрами. Тезисы диссертации Л. П. Харко о культе Афродиты на Боспоре (XIII, 137—141) освещают историю этого культа в ее связи с историей Боспорского царства.

Особый интерес представляют краткие отчеты о длительных археологических исследованиях территорий, являвшихся до недавнего времени сплошными белыми пятнами на археологической карте Союза.

Проведенное А. П. Окладниковым в 1940—1943 гг. предварительное обследование долины р. Лены на протяжении более 4 000 км от верховьев до Ледовитого океана, привело к открытию многочисленных памятников, от палеолита до позднего железного века, позволяющих теперь нарисовать историю местного населения на протяжении 10—15 тысячелетий вместо 3—4 веков, которыми ограничивалась до сих пор история северных племен¹. Вопреки расистским теориям об извечной застойности их культуры оказывается, что и здесь, как и в передовых областях земного шара, наблюдается смена тех же культурно-исторических этапов, отражающая многовековую борьбу северных племен с суровой природой. В числе выдающихся памятников прошлого Севера особо выделяются многочисленные писаницы и рунические надписи, документирующие развитие автохтонной письменности, неолитическое поселение около озера Уолба, многослойное поселение у о. Сиктях и ряд памятников железного века. Проблемы, возникающие из изучения новых материалов, имеют не только местное, сибир-

¹ См. очерк А. П. Окладникова «Исторический путь народов Якутии», Якутск, 1943 и рецензию на эту книгу С. В. Киселева, КС, XII, 176—178.

ское, значение, но и затрагивают древнейшее прошлое народов американского континента. Открытые памятники свидетельствуют о древнейшей связи глубинной Сибири с внешним миром и в западном направлении вплоть до Прибалтики времен неолита. Значительно продвигается решение вопроса о культуре предков якутского народа, обнаруживающей более высокий уровень, чем тот, который застали казаки в XVII в. (XIII, 99—107).

Истории другого района Сибири—Приобья посвящена диссертация В. Н. Чернецова (тезисы, XIII, 153—156), устанавливающая основные вехи развития местного населения и культуры от позднего неолита до X в. н. э. Особое внимание посвящено автором памятникам полуострова Ямала и устья р. Полюя и проблеме формирования обско-югорских племен.

Статья А. Н. Бернштама «Некоторые итоги археологических работ в Семиречье» (проведены автором в 1936—1940 гг. на территории Киргизии и Казахстана) суммирует почти в тезисной форме основные исторические выводы изучения нового огромного фонда археологических памятников Семиречья от эпохи бронзы до XIX в. Установлены локальные особенности бронзовой культуры Семиречья, на почве которой вырастает скифская-сакская культура, в свою очередь сменяющаяся усуньской; памятники саков и усуней расчленяются на ряд местных вариантов и хронологических этапов от V в. до н. э. до II в. н. э. Вторжение гуннов положило начало сложению тюркской кочевой культуры. Иммиграция согдийцев (V в.) резко изменяет облик Семиречья; его культура VI—VIII вв. носит синкретический характер—культура тюркских кочевников входит в связь с культурой согдийских колоний. В это же время Семиречье испытывает влияние Центральной и Средней Азии, Дальнего и Ближнего Востока, синтезируя и перерабатывая их. Карлукский период (VIII—X вв.) связан с зарождением городов и усилением оседлости. Экспедиция изучила многочисленные памятники караханидского государства XI—XII вв., значительно уяснившие его социально-экономическую и культурную жизнь. Особо интересно открытие каракитайской культуры в столице каракитаев Баласагуне (на месте бывшей столицы караханидов). Значительно беднее представлена находками эпоха после монгольского завоевания: в их числе интересно тимуридское кладбище воинов на реке Кызыл-Су (XIII, 110—118).

Анализу археологических материалов, добытых раскопками 1936—1940 гг. на согдийском городище Тали-барзу в долине Зеравшана, посвящена диссертация Г. В. Григорьева (тезисы, XIII, 150—153), освещающая историю Согда от IV в. до н. э. до VIII в. н. э. Специальный этюд автора о художественном ремесле домусульманского Согда (XII, 94—103), публикуя замечательные произведения гончаров Кафир-Калы VI—VII вв., ставит вопрос о роли Согда в истории искусства и культуры Передней и Центральной Азии. Статья Р. Гиришмана о раскопках французской археологической экспедицией города Беграма в Афганистане, основанного греко-бактрийскими царями и существовавшего до IV в. н. э., дает интересные параллели к материалам Тали-Барзу (XIII, 10—16).

Историческое обобщение огромного археологического материала Хорезмской экспедиции 1937—1940 гг., руководимой С. П. Толстовым, представлено тезисами его докторской диссертации «Древний Хорезм», к которым приложена исключительно интересная и выразительная таблица хронологической классификации памятников древнего и раннесредневекового Хорезма, в которой сочетаются разнообразные вещественные памятники—от керамики, монет, бытовых предметов до произведений монументальной архитектуры (XIII, 143—150). Информация С. П. Толстова о работах хорезмской экспедиции 1940 г. (XII, 90—93) знакомит с ее выдающимися открытиями, заполнившими пробелы в хронологической шкале культур Хорезма с IV тысячелетия до н. э. до XIV в. н. э.

Статья Л. А. Евтюховой и В. П. Левашевой о раскопках китайского дома близ Абана в Хакасии (XII, 72—84) дает обстоятельное описание одного из интереснейших открытий сибирской археологии за последние годы. Раскрытое еще частично здание с мощными глинобитными стенами и полами было, видимо, значительным по пло-

щадя; оно имело центральную отопительную систему, дополнявшуюся переносными жаровнями. Установленная по найденным фрагментам черепицы и аналогиям конструкция кровли, китайская надпись на торце черепичного жолоба и другие признаки характеризуют дом как китайскую постройку. Развалины этого богатого жилища относятся к I в. до н. э.; автор высказывает предположение, что оно принадлежало внуку знаменитого китайского полководца Ли-Гуан-Ли—Ли Лину, который сдался хунну и получил во владение землю «хягяс». Выводы авторов уже вызвали отклики специалистов (см. стр. А. Н. Бернштама в ИОИО, 1946, № 5. Характерный китайский тип жилища и отсутствие в его архитектуре местных черт делают эту гипотезу весьма правдоподобной.

Рассмотрение одного раннесаманидского фельса дало А. Ю. Якубовскому отправную точку для интересного этюда из ранней истории Саманидского дома (XII, 102—112); мастерское сочетание данных нумизматики и письменных источников позволило автору охарактеризовать роль династии Саманидов в управлении Средней Азией в период с 821 по 873 гг.

Значительное место в КС XII и XIII занимают вопросы этногенеза славян и смежных народов и темы истории культуры древней Руси и ее соседей. Сжато изложенный доклад П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет» (XIII, 39—44) знакомит с важнейшими вопросами изучения славянской этногонии. Советской наукой установлен ряд отправных положений: автохтонность славян в области Среднего Поднепровья; расширение территории славянского этногенеза на бассейн Верхнего Днепра; расчленение этногонического процесса на два этапа: 1) эпоху «полей погребений» и консолидации южных славянских племен и 2) время консолидации северных и южных племен во второй половине I тысячелетия и оформление этнической карты «Повести временных лет». Исследование памятников южной группы племен показало, что в это время в Среднем Поднепровье обитали две племенные группы: в Правобережье обитали древние местные племена—потомки племен эпохи «полей погребений», они выступили на Дунае и Балканах в конце V—начале VI в., в их среде выросли первые бегги восточнославянской государственности; в Левобережье жили родственные правобережным племена, но они оказались в стороне от всемирноисторических событий V—VI вв., вне магистральных путей эпохи «переселения народов», их общественный строй и экономика, запечатленные материалом «роменских городищ», были более примитивными. Далее автор сопоставляет этот вывод с вопросом об «антах» и «росах» и полагает, что «антами» следует называть племена Правобережья, левобережным же племенам принадлежало имя «рос», связанное в древнейших упоминаниях именно с Восточным, а не Западным Поднепровьем. Восточные племена Поднепровья, выступившие, как новая могучая сила в жизни Причерноморья VIII—IX вв., сыграли огромную роль в возникновении древнерусской государственности.

И. И. Ляпушкиным (XII, 117—127) опубликован новый памятник роменско-борщевского типа—городище у с. Опошня Полтавской области. Интерес памятника состоит в том, что это—пока наиболее южное поселение данного типа. В отличие от Монастырица и Гочевского Опошнянское городище более архаично и может быть датировано VII—началом IX в.

Статья Л. А. Динцеса «Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра» (XII, 141—152), кроме методологических вопросов исследования народной старины, интересна констатацией на ряде примеров глубокой автохтонности ее образов, созвучной выводам исследователей славянского этногенеза.

Интересные материалы содержат КС XII и XIII по этногонии и истории народов Волго-Камья. Докторская диссертация А. П. Смирнова «Волжские болгары», переданная, к сожалению, слишком краткими тезисами (XIII, 158—159), заполняет большую пробел в нашей исторической литературе; это капитальный труд, излагающий историю болгарского царства с VI в. до его падения в XV в.; половина исследования посвящена гражданской истории болгар, половина—истории болгарской культуры: военного дела, торговли, архитектуры, городов. В специальном этюде (XIII, 26—32)

автор опубликовал реконструкцию открытой его раскопками болгарской бани XIV в., памятника исключительно интересного по своему историческому значению. История тесно связанного с болгарской державой района Верхней Камы освещена в кандидатской диссертации М. В. Талицкого «Верхнее Прикамье в X—XIV вв.». Тезисы (XIII, 156—158) излагают основные выводы исследования автором верхнекамских древностей и в особенности раскопанного им замечательного своей сохранностью и содержательностью Роданова городища. С большой детальностью автор изображает социальный строй, хозяйство и быт населения, связанного еще племенными узами и являющегося, по его мнению, предками коми-зырян—«Пермью-Великой»; для более раннего времени автор считает возможным отождествлять население Верхней Камы с «вису» арабов (XIII, 156—158). В статье В. В. Гольмстен «Буртасы» (XIII, 17—25) на основе сопоставления письменных и археологических источников решается давний вопрос о загадочных буртасах арабских авторов, отождествляемых теперь с одним из мордовских племен—мокшей.

Тезисы докторской диссертации Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (XIII, 162—164) излагают содержание одного из интереснейших трудов в области русской археологии. На основе пересмотра и изучения колоссального фонда памятников русского ремесла автор впервые в русской науке дал широкую картину истории ремесла, детальную характеристику его отраслей, техники и организации труда, выделил сферы деятельности и особенности городского и деревенского ремесла, наконец, по-новому осветил социальное лицо ремесленников и их профессиональную организацию.

Колоритная страничка древнерусского быта вскрывается статьей Б. А. Рыбакова, реконструирующей надпись русского гончара на корчаге-амфоре XI в.: «благодатна полная эта корчага» (XII, 134—138). Частному вопросу русского ювелирного дела X—XII вв. посвящена работа Г. Ф. Корзухиной (XIII, 45—54), устанавливающая приемы стандартизации в технике тиснения и перегородчатой эмали.

Тезисы докторской диссертации Н. Н. Воронина «Владими́ро-Суздальское зодчество XI—XIII вв.» (XIII, 165—167) подводят итоги многолетнего изучения этой темы автором. Им показано развитие архитектуры на северо-востоке от начальной фазы—времени Мономаха—до монгольского ига, границы и характер деятельности пришедших зодчих, роль сложившейся русской школы в расцвете искусства XII—XIII вв., значение владимирского наследия для русского национального зодчества. Статья Н. Н. Воронина «Боголюбский киворий» (XIII, 55—66) посвящена детальному описанию и реконструкции открытого раскопками автора интересного памятника Боголюбского дворца—восьмиколонной ротонды над белокаменной чашей. К кругу владимирской культуры XII в. принадлежат и два памятника станковой живописи—оглавные Деисусы Г. Т. Г., освещенные мастерским исследованием В. Н. Лазарева (XIII, 67—76). Автор вскрывает самостоятельный путь русской художественной мысли XII в. в разработке системы иконостаса—важнейшей особенности русского храма. Он присваивает одну из изучаемых икон владими́ро-суздальскому мастеру и предполагает знание им балканских образцов. На русском северо-востоке начала впервые кристаллизоваться и новая русская иконография, выделяющаяся из византийской; популярность и ведущее значение в русской иконописи темы Деисуса были связаны с глубоким морально-этическим содержанием этой композиции. Статья А. Д. Варганова «Из ранней истории Суздаля (IX—XIII в.)» (XII, 127—134) знакомит читателя с результатами археологических наблюдений автора при земляных работах военного времени в черте Суздаля. Собранные материалы, по его мнению, показывают, что первоначально на территории города было несколько отдельных поселений сельского типа, слившихся в дальнейшем в город; уточнена также хронология его роста: валы кремля датированы концом XI в., вал острога—концом XII—началом XIII в. Несколько особняком в кругу ранней тематики стоят тезисы диссертации М. А. Ильина «Русское зодчество XVI в.», дающей впервые развернутую картину истории расцвета архитектуры «царственной Москвы» (XIII, 167—170), и заметка С. А. Таракановой о крепостных сооружениях Пскова (XIII, 77—80).

Существенная для истории русской и византийской архитектуры тема разработана в диссертации А. Я. Якобсона (тезисы, XIII, 160—162), посвященной зодчеству средневекового Херсонеса V—XIII вв.; рассматривая его развитие в тесной связи с историей Херсонеса, автор дал четкую картину эволюции херсонесской архитектуры и показал ее своеобразные черты. Небольшой этюд того же автора «Из истории армянского средневекового зодчества» (XIII, 33—38) посвящен проблеме влияния гранданской архитектуры Армении на церковную—вопросу, поставленному еще Н. Я. Марром.

Интересны фактические публикации отдельных находок: бронзовых статуэток V в. до н. э. из горного Дагестана (статья А. П. Круглова, XII, 31—40); куйбышевской каменной бабы первых веков н. э. (статья А. П. Смирнова, XII, 40—43); великолепных вещей Молотовского и Чердынского музеев, в том числе сассанидского бронзового котла и прекрасной серебряной чаши кушанского или раннесассанидского времени (статья Н. А. Прокошева, XII, 84—90); печати Багратиды Ашота, найденной в Зеленчукском храме (статья В. А. Крачковской, XII, 112—117); поливного сосуда из Биллара (статья Н. П. Сычева, XII, 138—141).

Отдел текущей информации о жизни ИИМК в связи с чрезвычайным запозданием выхода в свет XII и XIII выпусков КС имеет сейчас лишь «историческое» значение. В КС XII помещена информация о работе ИИМК в 1943 г., в КС XIII—материалы научных заседаний 1944 г., посвященных 25-летию советской археологии (XIII, 171—202); они освещают важнейшие достижения науки за четверть века по основным разделам. Особенно интересен обстоятельный доклад Л. М. Славина об итогах археологических работ Украинской Академии Наук (XIII, 81—88).

Как показывает сделанный беглый обзор XII и XIII выпусков КС ИИМК, кажущаяся на первый взгляд пестрота и разнородность их содержания подчиняются ряду крупных объединяющих проблем истории культуры и этногонии народов СССР. Как отдельные статьи, так, в особенности, тезисы диссертаций свидетельствуют о большом росте советских археологов, совершенствовании их методики, развитии полевых исследований, а вместе с ними и о расширении территориальных и хронологических рамок исторических обобщений.

Н. Воронин

EGYPT. Photographed by Hoyningen-Huene with text by George Steindorff. New-York, J. J. Augustin, 1945, 172 стр., 109 фотографий

Среди популярных работ о Древнем Египте «Egypt» занимает несколько особое положение. Подзаголовок книги правильно определяет то, что является ее подлинной ценностью: это интересные и чрезвычайно эффектные снимки памятников египетского искусства, сделанные одним из лучших фотографов Америки—Hoyningen-Huene. к которым Георг Штейндорф написал популярный обзор истории Египта от архаики до персидского завоевания. Написанный легким и доступным языком и лишенный всякого научного аппарата, этот обзор, в котором автор исходит из обычных для западных египтологов исторических концепций Мейера—Бресте да. для специалиста, естественно, не представляет никакого интереса. Повидимому, популярным характером книги объясняется и та вольность, с которой Штейндорф иногда использует здесь материал; так, иллюстрации «Книги Мертвых» периода XXI династии и даже птолемеевского времени даны в разделе Среднего царства.

Фотографии рецензируемой книги интересны не столько по содержанию, сколько по исполнению. Основным стремлением автора было добиться максимального эффекта от сочетания неожиданных точек съемки и резких контрастов бликов света и тени.

В итоге—все снимки действительно эффектны и интересны, хотя и далеко не все полезны для специалиста. Очень красивы и необычны снимки пейзажей Египта с чер-